

**КРАСКИ НАРОДНОГО ИСКУССТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Б. М. КУСТОДИЕВА**

*Работа представлена кафедрой рисунка.
Научный руководитель – кандидат искусствоведения, профессор Н. Н. Громов*

Статья посвящена изучению творчества Б. М. Кустодиева.

The article is devoted to the B. M. Kustodiev's works studies.

Интерес к изобразительным проявлениям русской народной культуры возрос в связи с патриотическим порывом, каким было ознаменовано начало Первой мировой войны с Германией.

Известный книгоиздатель и коллекционер Бурцев выпустил в 1914 г. малым тиражом книгу «Жизнь русского народа, его нравы и обычаи в картинах русских художников и в снимках с природы». Содержание книги было обеспечено экспозицией, открывшейся в октябре того же года в салоне Бурцева «Первой выставки картин и рисунков из русского народного быта». На выставке было показано более тысячи произведений отечественной реалистической школы второй половины XIX – начала XX в. из его собрания.

В число экспонентов был приглашен Б. М. Кустодиев, для которого тема русского провинциального быта была не заемной, а родной.

Включение в картины, театральные декорации и графические работы Кустодиева элементов фольклора очевидно. Это национальное своеобразие художественных промыслов отражено живописцем в одеждах крестьян и купцов, в характерной красочности товаров кустарного производства: платков, сундуков, коробов, корзин, подносов, самоваров, чайников и глиняных игрушек. Да и сами события: ярмарки, гулянья, чаепития и т. д., изображенные художником, свидетельствуют о его чутком отношении к народной культуре. Не слу-

чайно полусуто и всерьез художник писал из села Семеновского по поводу работы над композицией «Базар в деревне»: «Самый важный господин у меня в картине будет медведь» (27 ноября 1901 г.).

Рассматривая формирование эстетической позиции русского художника-живописца, нельзя не отметить, что среда бытования, природное окружение, семейный уклад и исторические предания играют важнейшую роль в этом процессе. Характерным примером может служить то, что художники, работая в любом жанре, неизменно возвращаются к истокам русской культуры, изучению традиций своего народа. В их произведениях находят отражение знание истории и идей, освещавших пути творческих исканий. Творчество Б. М. Кустодиева может являться наглядным примером сплава исторической достоверности и художественной убедительности.

Для многих отечественных мастеров живописи было естественным обращаться к народному искусству и художественным промыслам. В этом проступало искренняя жажда постичь традиции и самобытность своего народа, стремление проникнуть в его душу.

Истоки самобытности художника, несомненно, коренятся в начале жизненного пути, в периоде личностного и творческого формирования будущего мастера.

Б. М. Кустодиев с детских лет в Астрахани мог наблюдать красочные народные гулянья над Волгой, пышные церковные

обряды, патриархальный быт. Эти незабываемые впечатления, несомненно, сыграли свою роль в формировании таланта художника.

Рисовал все, что видел и что в фантазиях приходило в голову. Охотно копировал картинку из лубков и календарей. Они казались тогда верхом художественного совершенства. Для Бориса, как будущего художника, эти уроки сохранили неизгладимые впечатления от природы и крестьянского быта. Эти воспоминания остались у него на всю жизнь и были источником творческих поисков.

Бескрайние просторы Костромских земель: дома с красивыми резными ставнями и крылечками – все это вносило в душу молодого художника подлинную красоту и поэзию.

Общение с природой – естественная и могучая потребность многих людей, а у художников – особенно. Он всегда стремился в Кострому, в ее леса, к ее озерам и монастырям. Говорят в таких случаях – «певец родной природы, родного края». Но он не только о нем пел, он им дышал, им жил, был с ним кровно связан.

Кострома – древний город, раскинувшийся к северо-востоку от Москвы. Гладь Волги разделяет ее на две части, придавая городу особую красоту и своеобразие. Улицы и набережные Костромы были свидетелями многих исторических событий. Простор могучей русской реки и проникающая в душу природа настраивают на восприятие необычного, сказочного. В творческом наследии Кустодиева этому городу посвящены большие живописные и графические произведения.

В Костроме передавались из поколения в поколение традиции уникальной художественной резьбы по дереву, развивались все виды узорного ткачества, а вышивка стала неотъемлемой частью народного искусства, широко распространилась вышивка тамбурным швом.

На протяжении всей русской истории Кострома вносит свой вклад в сокровищ-

ницу художественной жизни – и сама стала живой историей русской культуры.

Художник знал и любил города на Волге, где деревянные постройки всех рангов и видов полукольцами окружали старую церковь на площади. Рубленые избы чередовались с домами, обшитыми по-хозяйски досками, простые тесовые кровли сменялись затейливыми покрытиями из серебристого теса, покосившиеся скромные калитки соседствовали с чванливыми резными воротами.

Особое поэтическое настроение постигало художника, когда он с этюдником в руках бродил по тенистым аллеям между гигантских деревьев, частые поездки по Костромской области давали большие плоды.

В творчестве Кустодиева проявил себя не этнографизм, столь свойственный творчеству его талантливому современнику Ф. А. Малявина, а подлинный интерес к глубинам самобытной народной культуры. Называя Бориса Михайловича крупным талантом, критик С. К. Маковский уточнял, что к стилю, к красочной и линейной схематизации, к пестрому русскому лубку «тянуло его все больше и больше».

Даже строительство деревянного дома в Кинешме характеризует вкусовые пристрастия Кустодиева. Неслучайно изба получила название – «Терем». Она была срублена из больших бревен «в лапу», имела островерхую крышу и украшена резными оконными наличниками. Силуэтом и пропорциями дом действительно походил на высокий терем.

В своем искусстве художник пошел за теми, кто чувствовал и воспевал очарование родной природы, кто сердцем разделял неповторимость древних обычаев, многоцветье народных праздников. Он любил красочность русской речи и песни. Во многих произведениях художника они звучат то радостно и громко, то грустно и тихо.

Праздничная Русь Кустодиева заявляет о себе возбуждением ярмарочной толпы, весельем балаганов, лихими санными катаниями на Масленицу. Художник изобразил не

тяжелые будни, как это сделали передвижники, а праздничную сторону жизни, поскольку был убежден в том, что в обрядах, обычаях проявлялась талантливость русского народа, широта его души, своеобразное понимание красоты, оптимизм мировосприятия и ничем не сломленное ощущение полнокровности жизни.

Полихромия крестьянского быта отражает устойчивость эстетического вкуса и прочно связана с фольклором. В произведениях живописи и графики мастер исходил из озорного, полного юмора народного лубка, от веселой пестроты лабазных вывесок, от хороводных песен и страданий.

Стоит только всмотреться в серию картин на ярмарочные сюжеты (варианты 1910–1919 гг.) или в цикл полотен, посвященный купцам и купчихам («Купчихи» (1912), «Купчиха» (1915), «Купчиха за чаем» (1918), «Купчиха с зеркалом» (1920), «Купец-сундучник» (1923)), а также полный юмора и телесного здоровья шедевр «Красавица» (1915), как становится ясно, что Кустодиев хорошо знал краски набивных ивановских ситцев, цветочные букеты жостовских подносов, лукутинские и вишняковские (федоскинские) шкатулки с картинками, «розаны» городецких сундуков, рисунок северных кружев и т. д.

Для примера взять хотя бы знаменитую картину «Красавица». В качестве ложа русской «нимфе» служит расписной сундук. Он окован по углам железом и по передней стенке раскрашен двумя симметричными цветастыми композициями. Постельное белье (пододеяльник и подушки) прельщает балахнинским кружевом из Нижнего Новгорода. Обои пестрят крупными цветами в стиле набивных ситцев Костромы или Иваново.

В портретах, а не только в сюжетных полотнах мастер стремился сопроводить модель изображением либо нарядной шали («Портрет жены» (1908), «Портрет О. И. Шимановской» (1920)), либо красивой, в народном вкусе, скатертью («Порт-

рет Л. Д. Оршанской» (1926)), либо обивкой дивана («Женский портрет» (1926)).

Кустодиев не был кабинетным любителем народного творчества. Он впитывал его красоту, черпал ее из самой действительности. Об одном из эпизодов, подтверждающих этот факт, сообщает сын живописца Кирилл Борисович. Он рассказывает о конных прогулках, которые совершал отец в округе села Семеновское близ Кинешмы: «За Зверевым находилась очень красивая деревня Бородино. Стояла она на высоком обрыве – вся в зелени берез, внизу протекает речка. Еще издали слышны звуки гармошки, это девушки и парни водят хороводы и поют чудесные песни. Девушки в красных сарафанах – домотканых и покупных, парни-гармонисты – в цветных рубахах. Хороши были их песни под гармонь, красивы хороводы – яркая, запоминающаяся на всю жизнь картина. Долго отец смотрел и слушал...»

Другой пример приводит собиратель произведений искусства Г. А. Кук. Он стал свидетелем, как в 1923 г. Кустодиев работал над выпуском серии собственных акварелей «Русь (Русские типы)» в издательстве «Аквилон». На обложке книги был изображен поднос, в центре которого парень с балалайкой и девушка. Этот рисунок имеет своеобразную историю. В изложении Кука она звучит так: «Как-то я купил на аукционе большой жестяной поднос, крытый черным лаком и расписанный яркими цветами. Такие подносы делались на Урале и Кустодиеву были хорошо известны. Как и пузатые чайники с пестрыми цветами, они были в ходу в трактирах и в быту нашей провинции. Как же обрадовался Борис Михайлович, живо воспринимавший все колоритное и жизнерадостное, что было в русском народном быту, когда увидел этот поднос! Он был обрадован, как при встрече со старым добрым знакомым. Поднос этот был малой частицей его Руси, цветистой и особенной Руси, какой ее знал и любил художник».

Кустодиев остро чувствовал слитность народной жизни с природой, и пейзаж в его картинах играет большую роль. Не случайно художник часто называл свои произведения исходя из времен года – «Лето», «Осень», «Весна» и т. д. Каждая пора имеет свое очарование, определяющее быт людей, и каждое из времен года имеет свое фольклорное обрамление.

Пейзаж Кустодиева предстает как одно из слагаемых тех «типичных обстоятельств», в которых испокон веков протекала жизнь русского человека. Он использует описание природы как средство раскрытия национального духа русского народа, сущности русского характера – и в этом сила величественных образом произведений мастера.

Формирование русского характера происходило в условиях суровой и раздольной, мощной и поэтичной, простой и величественной одновременно русской природы, что и утверждает в своем творчестве Кустодиев, равняясь на талантливых предшественников и коллег. Он, если так можно выразиться, очеловечивал пейзаж, придавал ему черты лирико-романтического звучания и вместе с тем облакал в форму реального, земного существования. Тем самым возвеличивается не только природа, но и человек, способный тонко чувствовать и понимать гармонию естественных начал, сотрудничать с родной землей.

Борис Михайлович с триумфом воплотил свою любовь к народному творчеству при оформлении спектакля «Блоха» (МХАТ и БДТ). Общеизвестный факт, что оба режиссера и А. Д. Дикий, и Н. Ф. Монахов подчеркивали достоинства декораций, а именно: их народность, стилистическую близость к лубку, лабазной вывеске, набивной ткани.

Столь же талантливо использовал Кустодиев мотивы русской деревянной резьбы, сохранившейся в пряничных досках, штампах для набивки тканей и лубка. Его неоконченная серия «Народные картинки» показывает, как мастер мог творчески переложить традиционные приемы резьбы в новую графическую технику линогравюры. Радуют душу такие листы, как «Под милашкину гармошку заведу я и-хо-хо-шку. И хо-хо, да и ха-ха, чем я девочка плоха!» или «Землянику я собирала, надломил веточку. Не картуз милаша носит, серенькую кепочку».

Среди последних работ Бориса Михайловича необходимо отметить создание нескольких скульптурных произведений, так называемой мелкой пластики, для дальнейшего их воспроизведения в фарфоре. Это: «Купец в шубе», «Купчиха в шубе», «Купчиха с кошкой на сундуке», «Гармонист» и «Девушка», «Крестьянка на сенокосе» (все – 1923 г.). Скульптуры леплены художником в «народном стиле», объединяющем в себе черты и вятской, и филимоновской (орловской) игрушки.

География произведений народных промыслов, красками и образами которых наполнено творчество Кустодиева, обширна. Это Вятка, Кострома, Ярославль, Подмосковье, Тула, Южный Урал, Нижний Новгород и т. д. В основном это города и села, связанные с Волгой, на которой художник родился, хорошо знал и любил. В этом видятся и корни таланта, и темы творческого вдохновения великого мастера. Имя его стоит в одном ряду с именами Сурикова, Врубеля, Васнецова, Нестерова, Лескова, Шишкова, Римского-Корсакова, Рябинина, Андреева, Шаляпина, которые черпали вдохновение для своих произведений в сокровищнице народного искусства.